

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

И.В. ФОМИН

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ СЕМИОТИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ

Для современного социально-гуманитарного знания, и для политологии в частности, характерна отчетливая тенденция к субдисциплинарному дроблению и формированию обособленных «мининаук» вокруг тех или иных специфических предметов изучения. При этом исследователи, работающие в рамках каждой такой «мининауки», часто пользуются специальными, понятными только их кругу, языками описания и аналитическими инструментами. Такое положение дел может быть оправдано стремлением эффективно решать некоторые узкоотраслевые задачи, однако плохо сочетается с целями более масштабного приращения знания [Ильин, 2014].

Первымходящим на ум вариантом преодоления этой проблемы может оказаться реализация исследований, ориентированных на междисциплинарное взаимодействие. Такого рода проекты, как можно бы было надеяться, позволят избежать распада науки на изолированные узкопредметные направления. Однако здесь возникают новые проблемы. Во-первых, обращение к дисциплинарным изысканиям без предшествующего глубокого освоения отдельных дисциплин, а также без необходимой рефлексии о принципах их интеграции приводит, скорее, к эффекту «недодис-

циплинарности», чем к приобретению какого-то нового ценного качества исследовательских проектов. Во-вторых, попытки выйти за рамки обособленной дисциплинарности, сделать что-то междисциплинарное могут по факту приводить только к выделению новых, более специфических зон пересечения, т.е. новых «мининаук». Таким образом, взаимодействие на стыках отдельных дисциплин отнюдь не гарантирует автоматической интеграции и целостности [Ильин, 2014].

Иногда об интеграции дисциплин ведут речь в связи с проектами по решению масштабных актуальных проблем (глобальное потепление, проблемы устойчивого развития и т.п.). В соответствии с такой точкой зрения, повестка дня для науки должна диктоваться насущными вызовами со стороны действительности, а разные дисциплины совместными усилиями должны пытаться дать эффективный ответ на них. Но не слишком ли преходящи такие интегрирующие факторы? Даже при условии успешности всей конструкции интеграции приходит конец, как только беспокоившая всех задача решена [Ильин, 2014]. Возможны ли более устойчивые трансдисциплинарные взаимодействия? За счет чего они могут поддерживаться?

Ответы на эти вопросы можно попытаться найти, обратившись не к тому, что обычно находится в исследовательском фокусе, – не к изучаемому предмету, а к тому, что часто видится вторичным и служебным, – к используемым в исследованиях методам. Внимание к вопросам методологии позволяет заметить, что в потенции отдельные дисциплины с их специфической фактурой могут, однако, быть интегрированы, – поверх предметных размежеваний. Это произойдет, если мы обратим внимание на общие познавательные способности, которые реализуются в отдельных дисциплинах, но при этом дисциплинарными барьерами не ограничиваются. Эти методологии как бы пронизывают пространство науки, пересекая предметно заданные дисциплинарные границы [Ильин, 2014].

Такие познавательные способности можно назвать органами-интеграторами [Ильин, 2014; Кокарев, 2014; Круглый стол... 2014; Авдонин, 2015; Фомин, 2014 б; Фомин, 2015]. Они существуют (или могут существовать) самостоятельно вне приложения к предметным областям конкретных дисциплин, но при этом спо-

способны действовать и в определенных дисциплинарных границах, насыщаясь необходимой предметностью.

Как минимум один органон-интегратор в современной науке задействован во вполне явном виде. Этот органон – математика. Но единственна ли она в своем роде? Какие еще трансдисциплинарные познавательные способности могут быть прослежены? На сегодня их закрытый список едва ли можно представить. Но можем ли мы назвать основных претендентов? Помимо математики, стоит обратить внимание как минимум еще на три других методологических посредника – семиотику, морфологию и компаративистику.

Эти три органаона в предметно специфических их вариантах можно проследить в разных областях знания. Так, например, семиотика встроена в инструментарию лингвистики, культурологии и искусствоведения, а также существует в виде политической семиотики, психосемиотики, социальной и антропологической семиотики и др. Аналогичным образом морфология существует как лингвистическая морфология, биологическая морфология, морфология искусства, культуры или как политическая морфология. Компаративистика реализуется в сравнительном историческом языкознании, сравнительной политологии, компаративном литературоведении, культурологии и антропологии и т.п.

Насыщение и очищение органовов

Но почему же все-таки математика пока стоит в ряду органовов-интеграторов как бы особняком? К ответу на этот вопрос мы можем приблизиться, если введем в очерченную картину одно важное измерение. Все множество модусов существования каждого из методологических интеграторов может быть упорядочено представлено в пространстве между двумя полюсами, которые соответствуют *насыщенному* и *очищенному* вариантам органовов.

В насыщенных своих вариациях органыны существуют, будучи тесно связаны с предметной фактурой той или иной дисциплины. В этом своем модусе они могут быть эффективны для решения узкопредметных задач, но менее пригодны для осуществления трансдисциплинарной интеграции. Для того чтобы такая интеграция в полной мере состоялась, необходимо отрефлексировать и

проработать связь между насыщенными версиями органовов и их очищенными вариантами.

И именно здесь выявляется специфика положения математики. Математика в нынешнем своем состоянии в большей степени, чем другие органы, реализована в очищенном своем варианте. Для других претендентов на роль трансдисциплинарных методологических интеграторов эта перспектива еще только намечается.

Если вести речь о трех перечисленных выше претендентах, то по сравнению с морфологией и компаративистикой, пожалуй, в семиотике задачи прояснения чистой ее версии намечены чуть более ясно. Перспектива создания не только специальных дисциплинарных вариантов семиотики, но и «чистой семиотики» (*pure semiotics*) была намечена еще в начале XX в. одним из основателей этой области знания Чарльзом Моррисом [Morris, 1971, p. 366].

Задачи выделения и консолидации общей компаративистики, общей морфологии и других органовов прежде не ставились. Только в последние несколько лет эта работа начала вестись в Центре перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН [Ильин, 2014; Кокарев, 2014; Круглый стол... 2014; Авдонин, 2015; Фомин, 2014 b; Фомин, 2015].

Выработка более ясного представления об очищенных вариантах органовов – общей морфологии (общих принципах изучения форм), общей компаративистики (общих принципах сравнения, определения случаев и их множеств), общей (чистой) семиотики (общих представлений о знаках, их устройстве и связях между ними) – в перспективе позволит более ясно проследить уже существующие трансдисциплинарные методологические связи и наметить перспективы дальнейшей более продуктивной и систематизированной научной интеграции.

В настоящей статье мы обратимся к рассмотрению трансдисциплинарного потенциала семиотики: рассмотрим те теоретико-методологические положения, которые могут быть отнесены к ее очищенному варианту, и наметим, по каким векторам возможно движение от обособленно задействованных политологически насыщенных элементов семиотического инструментария к интегрированной картине трансдисциплинарного знания.

Почему семиотика?

Обычно при изучении физической реальности в науке пользуются моделями и методами на основе математики. Аналогичные же модели нередко применяются и в науках об обществе. Политическая наука здесь не исключение. Но могут ли у обществоведческих и гуманитарных исследований найтись в распоряжении исследовательские инструменты другого свойства – такие, которые, может быть, в большей степени были бы адекватны для задач описания именно действительности, а не реальности, но не уступали бы при этом математическим методам в эпистемологической ценности результатов? Ведь, будем откровенны, сегодня по-прежнему слишком часто – хоть иногда и негласно (что еще более коварно) – ставится знак равенства между математичностью и научностью. И апологетика специфичности наук о человеке и обществе а-ля Риккерт [Риккерт, 1998] нередко выглядит скорее как симптом комплекса неполноценности гуманитарного знания, нежели как надежное средство, которое позволило бы от этого комплекса избавиться. Где искать то, что станет подлинным, деятельно проявленным методологическим фундаментом гуманитарного знания, а не его апологией?

В своей работе 1938 г. «Основания теории знаков» уже упоминавшийся Ч.У. Моррис писал: «Понятие знака может оказаться важным для объединения социальных, психологических и гуманитарных наук, когда их отграничивают от наук физических и биологических» [Моррис, 1983, с. 38]. Моррис отмечал также, что семиотика, для которой понятие знака выступает центральной категорией, должна занять двойственное положение в системе наук: с одной стороны, – стать наукой в ряду других наук, с другой – взять на себя роль унифицирующей метадисциплины, которая будет выступать основой всякой другой частной науки о знаках (лингвистики, логики, математики, риторики и т.д.) [Моррис, 1983, с. 38]. Какие у нас есть основания полагать, что семиотика в этом качестве может состояться?

Человек обладает способностью отражать мир в своем сознании. Он может осознать и факт своего существования, и ситуацию конечности оного. Более того, человек способен вообразить другие возможные и невозможные миры, а также представить в этих мирах не только себя, но и Другого. Ввиду этого человек су-

ществуется одновременно в двух универсумах: в физической *реальности* и в осмысленной *действительности* [Ильин, 2009, с. 186–189].

Человеческую жизнь можно поэтому представить разложенной одновременно на два вектора – материальный и информационный¹. Она оказывается, с одной стороны, подчинена законам физического мира – и в этом своем модусе стремится к распаду, к смерти. С другой же стороны, реализуясь в своем информационном измерении, она оказывается обращена ко все большему упорядочению и осмысленности.

Семиотикой обычно называют науку, занимающуюся изучением знаков, знаковых систем (языков) и целостных совокупностей знаков (текстов). При этом понятия *знак* и *текст* понимаются максимально широко. То есть текстами именуются отнюдь не только устные или письменные сообщения на естественных языках, а вообще любые фрагменты человеческой действительности, результаты осмысленной деятельности.

При этом любой текст, как средство передачи информации, имеет свойство исчерпывать количество энтропии в мире. Именно этим все то, что существует в тексте, отличается от существующего в физической реальности. Мир в его физическом измерении состоит из объектов, которые изменяются во времени в сторону нарастания энтропии. Мир, реализующийся в тексте и создаваемый посредством осмысленной деятельности, по мере своего разворачивания, напротив, накапливает негэнтропию (определенность)².

Необходимость человеческого существования в действительности – т.е. внутри текста – подталкивает нас к тому, чтобы изучать человека именно с позиций семиотической перспективы, с точки зрения методов, ориентированных на изучение мира в его знаковом, информационном аспекте. Такого рода оптика может обеспечить получение как гуманитарного знания (знания о бытии-в-тексте), так и знания социального (знания о бытии-в-тексте-для-

¹ Т. Парсонс высказывал похожую мысль, отмечая, что наш мир пронизывают два структурообразующих и взаимодополняющих «кибернетических» параметра: энергетическое нарастание контролирующих факторов (*hierarchy of controlling factors*) в сторону физико-органической среды и информационное нарастание обуславливающих факторов (*hierarchy of conditioning factors*) в сторону того, что он именовал «Конечной Реальностью» [Parsons, 1966, p. 28].

² Подробнее см., например: [Руднев, 2000, с. 9–22].

Другого). При этом всю совокупность методов, ориентированных на изучение текстов и знаков, можно назвать семиотическим органом обществоведения.

О базовых элементах семиотического органа

Базовыми концепциями для семиотики можно считать прежде всего предложенные в рамках этой дисциплины модели знака. Такие модели были предложены Ч. Пирсом, Г. Фреге, Ф. де Соссюром, Ч.У. Моррисом и др.

Ч. Моррис, развивавший идеи Ч. Пирса, сформировал четырехчастную модель знака, согласно которой семиозис (процесс, в котором нечто функционирует как знак) рассматривался как единство следующих факторов:

- Знаковое средство – то, что выступает как знак;
- Десигнат – то, на что указывает знак;
- Интерпретанта – воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком;
- Интерпретатор – того, для кого тот или иной объект выступает знаком¹ [Моррис, 1983, с. 39–40].

Согласно концепции Морриса, нечто есть знак только потому, что оно интерпретируется как знак некоторым интерпретатором. Обобщенное учитьвание чего-либо является интерпретантой лишь постольку, поскольку оно вызывается чем-то, функционирующим в качестве знака. А некоторый объект также является интерпретатором только потому, что он опосредованно учитывает нечто. Семиотика, таким образом, изучает не какой-то особый род объектов, а любые объекты в той мере, в какой они участвуют в семиозисе [Моррис, 1983, с. 39–40].

Также необходимо упомянуть о предложенной Ч. Пирсом типологии знаков. В соответствии с ней, знаки можно разделить на

¹ Пример: Путешественник (Интерпретатор) готовится вести себя соответствующим образом (Интерпретанта) в определенной географической области (Десигнат) благодаря письму (Знаковое средство), полученному от друга [Моррис, 1983, с. 40].

знаки-иконы (знаки по сходству; напр.: фотография)¹, индексальные (знаки по смежности; напр.: стук в дверь) и символические (знаки по конвенции; напр.: языковые знаки) [цит. по: Нёт, 2001].

Моррисовская модель знака во многом схожа с семиотическим треугольником Г. Фреге, представлявшим знак в качестве элемента, обозначающего определенный референт (значение, *Bedeutung*, *reference*) и выражающего определенный концепт (смысл, *Sinn*, *sense*) [Frege, 1892].

Ф. де Соссюром было предложено понимание знака как единства двух необусловленных друг другом (произвольных) аспектов – означающего и означаемого [Соссюр, 1977, с. 99–100]. Эта концепция принципиальным образом повлияла на развитие гуманитарного знания в XX в., став фундаментом для структуралистских исследований языка и культуры в целом.

Из базовых моделей знака могут разворачиваться более сложные и многоуровневые конструкции. С их помощью могут быть составлены модели метафор, мифов, образов и других комплексных семиотических феноменов [Фомин, 2014 b]. Так, например, Р. Бартом на основе структуралистской концепции знака была предложена двухуровневая семиотическая модель для мифа [Барт, 1989, с. 81]. А М.В. Ильин, исходя из идеи о многослойности действительности, через модель серии актов означивания выстраивает иерархию ее ступеней, восходящую от чистой материи к чистой информации [Ильин, 1995, с. 111].

Еще одно положение теории де Соссюра, на котором необходимо остановиться, – это введенное швейцарским лингвистом различие между понятиями *язык* (*langue*) и *речь* (*parole*). Введение этого различия по праву признается в качестве одной из главных заслуг де Соссюра. Под языком Соссюр понимает ту систему знаков, которая виртуально существует в сознании у каждого владеющего языком индивида, но которая при этом не располагается в его сознании никогда полностью и никогда индивиду полностью не принадлежит, им единолично не создается и не изменяется, поскольку являет собой внешний по отношению к нему социальный

¹ Некоторые существенные для обществоведения наблюдения об иконичности см.: [Якобсон, 2001; Барт, 1989, с. 93; Золян, 2015; Фомин И.В. Категория... 2014].

аспект речевой деятельности, существующий в полной мере лишь в коллективе [Соссюр, 1977, с. 52].

Что касается второго элемента соссюрдовской дихотомии – речи, то она понимается как результат говорения или письма, развернутый во времени и пространстве.

Обычно исследователи, обсуждая соссюрдовскую систему, фокусируются именно на дихотомии язык / речь, оставляя в стороне еще одно понятие, которое, однако, является не менее важным. Это понятие, которое традиционно переводится на русский язык как *речевая деятельность*. В оригинальном тексте «Курса общей лингвистики» соответствующий термин обозначается французским словом *langage* (лангаж) [Saussure, 1995, p. 20]. Дихотомическое же разделение на язык и речь происходит уже внутри всего множества проявлений лангажа – языка в самом широком смысле слова.

Для нас существенно было оговорить здесь значение всех трех терминов де Соссюра (язык, речь, лангаж), поскольку именно через призму этой триады можно подходить к пониманию еще одного ключевого для семиотики понятия – понятия *дискурса*. Дискурс можно рассматривать как языковую практику (лангаж) в неразрывной связи с ситуативным контекстом, с прагматическими, социокультурными, когнитивными установками автора и адресата того или иного текста. То есть если провести параллели между соссюрдовской терминологией относительно языка и речи и таким пониманием дискурса, то можно заключить, что дискурс есть социально суженный лангаж, который распадается на социально суженный язык – дискурс-рамку (дискурс-программу) и социально суженную речь – дискурс-произведение (дискурс-продукт) [Dijk, 1998, p. 3–4; Толпыгина, 2002].

Представить такого рода соотношение можно в виде следующей пропорции:

$$\begin{array}{c} \text{Язык} \\ \hline \text{Дискурс-рамка} \end{array} = \begin{array}{c} \text{Речь} \\ \hline \text{Дискурс-произведение} \end{array} = \begin{array}{c} \text{Лангаж} \\ \hline \text{Дискурс} \end{array}$$

Рис.

Соотношение триады «язык – речь – лангаж»

Причем [langue] + [parole] = [langage], а [дискурс-рамка] + [дискурс-произведение] = [дискурс].

Вести речь о дискурсе как о том, что позволяет соединить язык как систему (langue) и речь как деятельность (parole), но при этом конкретнее и уже языка в его целостности (langage), впервые предложил при уточнении сосюрсовской концепции бельгийский лингвист Эрик Бюиссанс [цит. по: Ильин, 2007].

Уровни семиотического анализа

Одним из главных элементов теоретической рамки заданной для семиотики Ч. Моррисом была триада уровней семиотического анализа:

- 1) семантика,
- 2) синтактика,
- 3) прагматика.

Согласно этой схеме, сфера семантики включает отношения между знаками и означаемыми ими объектами, к синтактике – отношения знаков между собой, а к прагматике – отношения знаков к интерпретаторам [Моррис, 1983, с. 42].

Моррисовская система уровней, однако, не уникальна. Зачастую авторами в рамках семиотически ориентированных исследований предлагаются и иные схемы препарирования знаковой реальности.

Так, например, в работе Ц. Тодорова, посвященной поэтике, мы встречаем разделение на *словесный*, *синтаксический* и *семантический* аспекты анализа, которые Тодоров соотносит с традиционными для классической риторики аспектами: *elocutio*, *dispositio* и *inventio* [Тодоров, 1979, с. 48–50].

Т. ван Дейк, в свою очередь, предлагает применительно к дискурсивному анализу вести речь о *речевом* (language use), *коммуникационном* и *интеракционном* уровнях, выводя это членение из результатов препарирования ситуации социально контекстуализированной коммуникации, – ситуации, в которой адресант и адресат взаимодействуют (интеракция), передавая информацию (коммуникация) при помощи языка (language use) [Dijk, 1998, p. 2, 5].

В рамках дискурс-исторического подхода в критическом дискурс-анализе авторы предлагают еще одну схему членения, говоря о двух уровнях анализа: *тематическом* и *углубленном* [Krzyżanowski, 2010, p. 81]. При этом выделяемые уровни имеют отношение уже не столько к аспектам анализируемого текста, сколько к этапам применения тех или иных исследовательских техник.

При таком разнообразии подходов к разделению исследования на уровни, однако, не будет верным вести речь о какой-то фундаментальной фрагментированности поля семиотически ориентированных методов именно по этому основанию. Скорее, имеет место плюральность языков методологического описания, которые, однако, в ряде случаев вполне могут быть «переводимы» друг относительно друга. Кроме того, такое многообразие в значительной степени может быть оправдано разным расположением фокусов внимания в тех или иных подходах, а не какой-то их принципиальной разнородностью.

Вместе с тем нельзя не отметить два важных преимущества, отличающих моррисовскую схему (семантика – синтактика – прагматика) от других предлагаемых систем членения. Во-первых, эта схема определено не носит характера *ad hoc*, а напрямую выводится из базовых положений теории знаков. Во-вторых, она, ввиду своего крайне широкого охвата, обычно может без особых трудностей быть импортирована в ткань различных других подходов, не разрушая их внутренней логики, а лишь внося в них дополнительную упорядоченность. Кроме того, она вполне может претендовать на роль медиатора при решении тех самых задач «перевода» с одного методологического языка описания на другой. Наконец, к плюсам моррисовской триады стоит отнести тот факт, что она наиболее успешно справляется с задачами структурирования знаковой действительности вообще, а не только ее лингвистических проявлений.

В связи с этим можно сказать, что если мы и можем вести речь о какой-то теоретической рамке, которая могла бы быть общей для всех методов, образующих семиотический органон, то моррисовская триада вполне может претендовать на роль одного из базовых элементов такого рода теоретической конструкции. Тем более что она проектировалась именно в расчете на универсальный характер применения в рамках общей семиотики.

О семиотическом инструментарии в политических исследованиях

В своей максималистской версии трансдисциплинарная программа для семиотики на сегодня еще далека от реализации. Тем не менее после «лингвистического поворота» в науке XX в. некоторые инструменты наук о знаках сегодня уже встроены в арсенал наук о человеке и обществе. Однако существующие в этом пространстве семиотические инструменты пока не сложились в устоявшуюся и целостную систему семиотических методов исследования. Они существуют пока как россыпь отдельных приемов, которые образуют разнообразные сочетания и разбросаны по различным дисциплинам, школам, направлениям и исследовательским традициям (дискурс-анализ, когнитивное картирование, контент-анализ, метафорология, нарративный анализ и т.п.). В политической науке потенциальное поле применения семиотически ориентированных методов исследования очень широко.

Делая попытку охватить взглядом все множество семиотически ориентированных исследовательских инструментов, применяемых сегодня в политологии и вообще в социально-гуманитарных исследованиях, все такого рода приемы возможно представить расположенными на оси между двумя полюсами. И эти полюсы мы можем условно обозначить как *дескриптивный* и *критический*. Для всех этих подходов характерна объединяющая их ориентированность на исследование языка и речи (в широком смысле этих слов) в связи с определенными социальными и политическими контекстами, но если на дескриптивном полюсе в фокусе внимания исследователей находятся, по большей части, интралингвистические вопросы, то в критической крайности в этом фокусе оказываются уже почти исключительно вопросы социально-политической ситуативной обусловленности порядка порождения текстов.

Таким образом, вблизи дескриптивного полюса располагаются преимущественно разного рода исследования семиотической действительности, укорененные в непосредственном анализе текстов. А к критическому – тяготеют исследования *порядка дискурса*, т.е. постструктуралистские, деконструктивистские и постмодернистские интерпретации, являющиеся преимущественно размышле-

ниями по поводу социальных, исторических и психологических обусловленностей дискурсивных практик.

К числу дескриптивных семиотических инструментов можно отнести политический контент-анализ, исследования по политической метафорологии и проекты, связанные с когнитивным картированием. Ряд важных наработок в этой сфере был сделан уже в первой половине XX в. Так, например, следует отметить работы американских исследователей в области политической коммуникации П. Лазарсфельда, Г. Лассуэлла, Н. Лейтес и др. [Lazarsfeld, 2004; Лассуэлл, б. г.; Fischer, 1954; Будаев, 2009; Будаев, Чудинов, 2009]. Ими был внесен существенный вклад в исследование механизмов формирования общественного мнения, воздействия средств массовой информации на политическое поведение и взаимосвязей, существующих между политическим языком и политическими процессами.

Что же касается критического полюса в пространстве семиотических исследований, то он во многом черпает свои основания не из области исследований языка и коммуникации, а из марксистских и психоаналитических критических установок. Об исследовании текстов с критических позиций речь начинает идти в 1960-х годах в рамках французской школы анализа дискурса (М. Фуко, М. Пеше, Ж. Деррида, Ж. Лакан, Ж. Бодрийяр и др.) [Серियो, 1999; Бодрийяр, 1999; Фуко, 2004 и др.]. При этом, как уже отмечалось выше, для такого постструктуралистского анализа характерно не исследование собственно языковых вопросов, а анализ дискурса как системы порождения знания.

Так, например, Фуко определяет дискурс как «совокупность высказываний (высказанностей, *énoncés*), принадлежащих к одной и той же системе формаций» [Foucault, 1969, p. 141]. Дискурс при этом рассматривается как часть дискурсивной практики, которая есть «совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказанности» [Foucault, 1969, p. 153]. Таким образом, для Фуко дискурс интересен, прежде всего, как исторически, пространственно и темпорально детерминированный фон, обуславливающий появление того или иного высказывания. В качестве клю-

чего вопроса дискурсивного анализа Фуко заявляет вопрос: почему в определенный исторический момент в определенных социальных обстоятельствах появляются именно те высказывания, которые появляются, а не какие-либо другие [Фуко, 2004, с. 51]?

Фукоотианский дискурс-анализ, а также другие смежные философские подходы к исследованию дискурса формируют критический полюс семиотически ориентированных исследований. Также вблизи критического полюса находится ряд подходов, относимых к критическому дискурс-анализу (КДА) [A new agenda... 2005; Methods... 2001; Racism... 1991 и др.].

Несмотря на большое внимание, уделяемое в рамках КДА собственно лингвистической проблематике, КДА-исследования также предполагают и глубокую критико-интерпретативную вовлеченность исследователя и его ориентацию на выявление воздействия политических, социальных и идеологических сил на контексты порождения тех или иных текстов. Таким образом, критический дискурс-анализ, равно как и дискурс-исследования в рамках постструктуралистской и постмодернистской традиций, являет собой меланж оснований структурной лингвистики с психоаналитическими, (нео) марксистскими и бурдьеанскими идеями.

Справедливым будет также отметить, что и сам по себе критический дискурс-анализ весьма неоднороден. Он представляет собой широкую и гетерогенную междисциплинарную область исследований, включающую разные подходы и направления, в рамках которых могут существенно варьироваться как исследовательский инструментарий, так и доля интерпретативно-критического компонента.

Существуют разные подходы к типологизации направлений критического дискурс-анализа, однако если следовать одной из них [Krzyzanowski, 2010], то в этой области исследований можно выделить следующие пять течений:

- 1) дискурс-исторический подход (Р. Водак, М. Райзигл, Р. де Циллиа и другие исследователи из Венского и Ланкастерского университетов);
- 2) социокогнитивный подход (Т. ван Дейк и его последователи);
- 3) британское системно-функциональное направление (Н. Фэрло, Т. ван Леувен, Г. Кресс и др.);

4) психологически ориентированное направление (Лофборская группа) (подход разработан в Университете Лофборо М. Биллигом, Дж. Поттером, М. Ветерел и др.);

5) немецкая школа критического дискурс-анализа (Дуйсбургская группа) (представлена З. Йегером и Ю. Линком, а также отчасти У. Маасом и др.)

При всем разнообразии и широком распространении критически ориентированных приемов семиотического анализа, нельзя, однако, не отметить одного очевидного изъяна этого исследовательского направления. Зачастую при анализе политического дискурса исследователи обращаются к анализу на уровне прагматики без достаточного изучения других семиотических уровней. В частности, нередко происходит неотрефлексированное редуцирование дискурс-анализа до анализа дискурсивной прагматики. Трудно отрицать, что семиотический исследовательский аппарат в тех случаях, когда он применяется в политических исследованиях, часто действительно особенно привлекательным образом реализуется именно в своем прагматическом измерении. Ведь именно оно наиболее тесно связано с социальным контекстом. Однако полный отрыв прагматики от семантической и синтаксической «почвы» с высокой долей вероятности может оказаться контрпродуктивен. Похожая проблема прослеживается и в контент-анализе, который по сути остается приемом, работающим только на уровне семантики.

Вероятно, одной из главных задач на сегодня является устранение разрыва между дескриптивными и критическими приемами препарирования семиотической действительности. Также актуальна выработка таких исследовательских рамок, которые позволяли бы изучать знаковый универсум более целостным образом, обращая внимание и на семантические, и на синтаксические, и на прагматические его аспекты. Важной задачей видится и выработка исследовательских инструментов, которые позволяли бы эффективно и системно анализировать с точки зрения семиотики не только лингвистический материал, но и другие факты социальной и политической действительности. В таком случае станет возможным полноценное изучение через призму семиотики объектов действительности (семантика) и связей между ними (синтактика), а также исследование идентитарных, аксиологических и социально-критических вопросов (прагматика).

Отдельное внимание следует уделить проработке категориального аппарата политических исследований. Целый ряд ценных категорий, которые могли бы быть концептуализированы или операционализированы с точки зрения семиотики, сегодня часто еще используются без такого рода проработки. Таковы, например, категории образа, имиджа, мема, символа, нарратива и т.п.

Более широкое применение аппарата семиотики позволило бы отчасти снять проблему идеографичности социальных и гуманитарных наук (которая в политической науке обычно решается посредством математики). С точки зрения семиотики исследуемые объекты рассматриваются не как полностью уникальные явления, а как воплощения некоторых абстрактных общих закономерностей. Выяснение такого рода семиотических правил по сути приближает гуманитарные науки к наукам номотетическим, т.е. позволяет вести речь о сформулированных на языке семиотики законах знаково освоенной действительности – подобно тому, как естественные науки оперируют законами, действующими в физической реальности, формулируя их на языке математики.

Проработка семиотического органаона в его общей (очищенной) версии, а также развитие насыщенных его реализаций в политологии позволит систематически встроить предметно сфокусированные политические исследования в интегрированное трансдисциплинарное научное пространство.

Список литературы

- Авдонин В.С.* Методы науки в вертикальном измерении (метатеория и метаязыки-органоны) // *Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин.* – М., 2015. – Вып. 5. – [В печати].
- Барт Р.* Миф сегодня // *Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика.* – М.: Прогресс, 1989. – С. 72–130.
- Бодрийяр Ж.* Система вещей. – М.: Рудомино, 1999. – 224 с.
- Будаев Э.В.* О трех направлениях американской политической лингвистики в середине XX в. // *Политическая лингвистика.* – 2009. – № 3 (29). – С. 129–130.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Лингвистическая советология эпохи холодной войны // *Политическая лингвистика.* – 2009. – № 3 (29). – С. 47–52.
- Золян С.* Между миром и языком: к основаниям семиотики текста // *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин.* – М., 2015. – Вып. 5. – [В печати].

- Ильин М.В.* Методологический вызов. Что делает науку единой? Как соединить разьединенные сферы познания? // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014. – Вып. 4. – С. 6–11.
- Ильин М.В.* Очерки хронополитической типологии / В 2-х частях. – М.: МГИМО. – Ч. 1.–1995. – 112 с.
- Ильин М.В.* Политический дискурс // Политология: Лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. – С. 537–544.
- Ильин М.В.* Существуют ли общие принципы эволюции? // Полис: Политические исследования. – М., 2009. – № 2. – С. 186–189.
- Кокарев К.П.* Институционализмы: Сад расходящихся исследовательских тропок // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014. – Вып. 4. – С. 192–202.
- Круглый стол «Математика и семиотика: две отдельные познавательные способности или два полюса единого органа на научного знания?» // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014. – Вып. 4. – С. 122–142.
- Лассуэлл Г.* Язык власти // Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/880> (Дата посещения: 20.01.2011.)
- Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 37–89.
- Нёт В.* Чарлз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2001. – Вып. 3/4. – С. 5–32.
- Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
- Руднев В.П.* Прочь от реальности. – М.: Аграф, 2000. – 432 с.
- Серио П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – С. 12–53.
- Тодоров Ц.* Поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. статей. – М.: Прогресс, 1975. – С. 37–113.
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию / Пер. с франц.; под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31–273.
- Толтыгина О.А.* Дискурс и дискурс-анализ в политической науке // Политическая наука. – М., 2002. – № 3. – С. 140–160.
- Фомин И.В.* Категория образа как средство изучения политической действительности (на примере образа Южной Осетии в российском внешнеполитическом дискурсе) // Символическая политика. – М., 2014(а). – № 2. – С. 40–65.
- Фомин И.В.* Элементы семиотического органа для обществоведения: анализ повествований // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014(б). – Вып. 4. – С. 143–160.
- Фомин И.В.* Семиотика или меметика? К вопросу о способах интеграции социально-гуманитарного знания // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2015. – Вып. 5. – [В печати].
- Фуко М.* Археология знания. – СПб.: Гуманитарная академия, 2004. – 412 с.

- Якобсон Р.* В поисках сущности языка // Семиотика: Антология. – М.: Академический проект, 2001. – С. 111–126.
- A new agenda in (critical) discourse analysis: theory, methodology, and interdisciplinary / Ed. by Рю Wodak, Рю А. Chilton. – Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 2005. – 321 p.
- Dijk T.A. van.* The Study of Discourse // Discourse as structure and process / Ed. by Teun A. van Dijkю – London: SAGE, 1998. – Vol. 1. – P. 1–34.
- Fischer G.* A study of bolshevism by Nathan Leites // The Western political quarterly. – 1954. – Vol. 7, N 3. – P. 494–496.
- Foucault M.* L'archéologie du savoir. – Paris: Gallimard, 1969. – 279 p.
- Frege G.* Über sinn und bedeutung // Zeitschrift für philosophie und philosophische kritik, – Leipzig. – 1892. – S. 25–50.
- Krzyżanowski M.* The discursive construction of european identities. A multilevel approach to discourse and identity in the transforming European Union. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. – 232 p.
- Lazarsfeld P.F., Merton R.K.* Mass communication, popular taste, and organized social action // Mass communication and american social thought: Key texts, 1919–1968. – Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2004. – P. 230–241.
- Wodak R., Meyer M.* Methods of critical discourse analysis. – London: SAGE, 2001. – 200 p.
- Morris C.* Writings on the general theory of signs. – The Hague: Mouton, 1971. – 486 p.
- Parsons T.* Societies: evolutionary and comparative perspective. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. – 120 p.
- Racism and the press / Ed. by T.A. van Dijk. – London; N.Y.: Routledge, 1991. – 276 p.
- Saussure F.* de Cours de linguistique générale / Publié par C. Bally, A. Séchehaye; avec la collaboration de A. Riedlinger; ed. critique préparée par T. de Mauro; postf. de L.-J. Calvet. – Paris: Payot, 1995. – 520 p.